

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ В РАБОТЕ С ВЕНГЕРСКИМИ
УЧАЩИМИСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВИДОВ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Е.М. Феньвеш-Коняева

Усвоение видов русского глагола венгерскими учащимися на всех этапах обучения, включая и подготовку студентов-русистов в высших учебных заведениях, сопряжено со значительными трудностями. Не будет преувеличением сказать, что успех в их преодолении не в последнюю очередь зависит от системы работы над этой сложной темой в течение всего периода обучения, от методической разработанности данной темы. Особое значение в этой связи приобретает продуманность отбора грамматического /и лексического/ материала, его распределение по годам обучения, последовательность его изучения, по возможности максимальная четкость и доступность для понимания учащихся описания условий употребления видов, а также формулировок тех правил, которые даются в учебниках и пособиях. Особую важность все это приобретает в гимназическом курсе, поскольку в гимназии усвоение видов связано с наибольшими трудностями, и поскольку именно в гимназии закладываются основы знаний, которые призваны служить отправной базой подготовки студентов-русистов в высшей школе.

Естественно было бы ожидать отражения определенного методического подхода к данной теме уже в Программе по русскому языку для I—IV классов гимназии¹. Однако, в Программе виды глагола, если и упоминаются, то довольно неопределенно, в самой общей форме, без выделения каких-либо конкретных моментов их употребления. Например: "Глаголы НСВ и СВ"² /I класс/³, "Образование и употребление повелительного наклонения" /II класс/⁴, "Образование глаголов СВ от глаголов НСВ" /III класс/ — после этой темы стоит пометка R, а в сноске поясняется, что R означает "рецептивно, на уровне понимания". Вопросы употребления видов никак не оговариваются в связи с теми грамматическими темами, при изучении которых обойти их не представляется возможным: "Инфинитив-

ные конструкции", "Наиболее употребительные случаи выражения необходимости и возможности", "Причастные и деепричастные обороты и замена их придаточными предложениями", "Страдательный оборот" /III класс/, "Составное глагольное сказуемое" /IV класс/. Видимо, необходимость затронуть вопросы употребления видов при изучении названных тем подразумевается как нечто само собой разумеющееся. То же самое, возможно, имеется в виду и среди "трудных случаев расхождения с венгерским языком", на которые, как указывается в Программе, следует обратить особое внимание при повторении пройденного материала "с функциональной точки зрения".

Авторы учебников неизбежно сталкиваются с необходимостью объяснения некоторых случаев употребления видов. Однако, поскольку такая необходимость возникает, так сказать, попутно — в связи с изложением основного грамматического материала, определяемого программой — то объяснение это сводится к беглым обзорам и отдельным замечаниям, которые не только не создают более или менее четкой и ясной картины употребления видов, не дают, за небольшим исключением, надежных правил их употребления, но из-за краткости, не всегда оправданной упрощенности или категоричности /а порой — и небрежности/ формулировок эти обзоры и замечания могут даже дезориентировать учащихся. Далее мы подкрепим это утверждение конкретными примерами.

Обратимся прежде всего к разделу Грамматики русского языка для средней школы⁵, в котором дается сводный обзор видов глагола в плане их употребления. Во втором пункте обзора читаем: "Употребляя глаголы СВ, говорящий рассматривает действие как единое целое, выражает результат действия, его начало, законченность, конкретность, единичность и т.п. Глаголы же НСВ обозначают действие безо всяких ограничений, действие вообще, протекание действия; говорящий обращает внимание на процесс действия /а не на его результат, начало и т.п./, может выражать повторяемость действия, частоту повторения действия" /Г, с. 109—110/. Не останавливаясь подробно на данной формулировке, отметим лишь, что определения типа "действие как единое целое", "действие вообще",

"действие безо всяких ограничений" малопонятны гимназистам и к тому же не могут служить практическим руководством к употреблению видов. Приводимые вслед за тем примеры иллюстрируют в первую очередь наиболее трудные — и отчасти второстепенные с точки зрения необходимости их изучения в гимназии — случаи употребления видов. Среди них нет примеров с глаголами НСВ, обозначающими процесс действия, и с глаголами СВ, обозначающими результат действия. Удачно выделены в грамматике случаи обязательного употребления инфинитива НСВ в сочетании с фазисными глаголами, с глаголами 'привыкать', 'учиться' и т.п., и инфинитива СВ в сочетании с глаголами 'удаться, забыть, успеть'. Однако серьезные возражения вызывает излишняя категоричность, с которой употребление видов ставится в непосредственную зависимость от обстоятельственных слов. Так, среди слов и словосочетаний, требующих обязательного употребления НСВ, безо всяких оговорок названы сочетания со словом 'раз', хотя и в школьной практике, например, в формулировках некоторых заданий, они нередко встречаются в предложениях с глаголами СВ: 'Прослушайте магнитофонную запись/текст два раза', 'Повторите еще раз/несколько раз...' и т.п. Особенно опасна категоричность формулировки при установлении зависимости употребления СВ от слов, указывающих на завершенность, внезапность, кратковременность действия. Напомним, что после слов 'сразу, вдруг, мгновенно, моментально, тотчас же' и т.п. глаголы СВ употребляются при передаче единичных действий, а после слов 'совсем, совершенно, окончательно, абсолютно' и т.п. — при передаче единичных действий в утвердительных предложениях, при передаче же повторяющихся действий при наличии в предложении тех же самых обстоятельственных слов употребляются глаголы НСВ /'В экзаменационную сессию она вставала в семь часов утра и сразу же садилась заниматься' и т.п./.

Точно так же в прямую зависимость от слов со значением неожиданности, законченности действия ставится употребление СВ и в небольшом обзоре, посвященном видам глагола, который дается в

учебнике для III класса гимназии /III, с. 54—56/. Далее, во втором пункте этого обзора говорится: "Глаголы НСВ сообщают факт действия, называют действие, указывают на то, что действие есть, было, будет. Глаголы СВ подчеркивают определенные моменты действия: его начало, конец, результат" /III, с. 54/. Следующие вслед за этим примеры распределены на три группы: /глаголы НСВ и СВ/ "в утвердительных предложениях", "в отрицательных и вопросительных предложениях" и "глаголы, в значении которых заключается возможность действия в противоположном направлении". Употребление НСВ в утвердительных предложениях демонстрируется на примерах: "Сегодня он сдает экзамен", "Пушкин писал и прозу" и "После обеда я буду убирать квартиру" /III, с. 54—55/.

Форма прошедшего времени не выделяется здесь как грамматическая форма, в которой общефактическое значение НСВ проявляется наиболее часто и наглядно /да и пример с глаголом в прошедшем времени демонстрирует несколько иное значение НСВ/, а оказывается в одном ряду с формами настоящего и будущего времени. В будущем времени общефактическое значение НСВ проявляется сравнительно ограниченно и нередко имеет оттенок процессуальности, о чем, в частности, свидетельствует и приведенный выше пример. Говорить о проявлении общефактического значения в настоящем времени и особенно на основании примера "Сегодня он сдает экзамен" — еще более затруднительно. Понимание и усвоение общефактического значения НСВ наиболее трудно для венгерских учащихся. Это значение легче понимается и лучше усваивается на материале употребления глаголов разного вида в прошедшем времени при обязательном подчеркивании зависимости выбора вида при передаче факта действия от коммуникативных задач говорящего. Употребление глаголов НСВ в этом случае наиболее наглядно можно показать на примере диалогической речи, когда на глагол падает смысловой акцент, а употребление глаголов СВ — на примере отдельных сообщений с типичным для СВ контекстом, в котором есть указание

на момент возникновения действия и когда смысловой акцент падает не на глагол. /— В вашей гимназии проводили вечер поэзии?/ был вечер поэзии?/ — Да, проводили./Нет, не проводили/ 15 ноября, в субботу в гимназии провели вечер поэзии /состоялся вечер поэзии/.

Примеры на употребление видов в отрицательных и вопросительных предложениях иллюстрируют случаи конкуренции видов при передаче факта действия в прошлом, где глаголы НСВ заменяются глаголами СВ в ситуации, когда говорящий предполагает, что действие должно было совершиться: "Ты принимал лекарство?" — "Ты принял лекарство?" и "Вера не звонила мне вчера." — "Вера не позвонила мне вчера, хотя обещала". Кстати, и при такой позиции говорящего в четвертом примере возможно употребление НСВ: 'Вера не звонила мне вчера, хотя обещала /позвонить/'. Этот последний пример был бы намного убедительнее при другом порядке слов: 'Вера обещала позвонить мне, но не позвонила'. Перевод предложений с глаголами НСВ на венгерский язык — Szedtél orvosságot? Vera nem hívott telefonon tegnap — вряд ли помогает учащимся понять, что глаголы НСВ обозначают в них факт действия: в переводе употреблен, например, глагол szed, указывающий скорее на повторяемость действия. На наш взгляд, точнее передает смысл данных высказываний следующий перевод: Vettél be orvosságot? Vera nem telefonált tegnap.

В учебнике не рассматривается употребление видов при передаче процесса действия и его результата, при передаче повторяющихся действий. Может создаться впечатление, что употребление видов в этих случаях не вызывает каких-либо особых трудностей. Косвенно это как бы подтверждается и заданием, в котором учащимся предлагается перевести на венгерский язык семь предложений и самим объяснить употребление видов при передаче единичных и повторяющихся действий, при передаче процесса действия и его результата /III, с. 57/. Однако в действительности дело обстоит далеко не так благополучно. Об этом свидетельствуют, к примеру, видовые ошибки в формулировках заданий: "На основе текста, ка-

кие вопросы вы задавали бы Глазунову?" /III, с. 29/⁶, "Скажите, какие спортивные состязания произошли в Таллине в 1980 г. во время проведения Олимпийских игр?" /III, с. 97/; в переработанном тексте "Работа Ленина в библиотеках": "Для того, чтобы написать какую-нибудь работу, ему пришлось перечитывать огромное количество книг" /III, с. 62/, несоответствие примера "Он долго разговаривал по телефону с родственником, жившим в Киеве" случаю одновременности действий, о котором говорится в разделе "Причастные обороты" /III, с. 101/, неправильное употребление глагола 'идти' в предложении "Когда ты идешь домой из школы, за-неси эти книги Феде: он болен" /III, с. 139/. То же самое подтверждают и те предложения в упражнениях, где можно употребить две из трех данных форм, хотя в заданиях к ним предполагается, что только одна из данных форм "правильная": Алеша замолк/замолкал на несколько секунд, а потом продолжал говорить" /III, с. 63/, "Мы не пожалели/жалели Игоря, когда узнали, что он не сдал экзамен" /III, с. 64/. То же самое можно сказать и о некоторых упражнениях, в которых требуется вставить глагол "нужного" вида или один из глаголов в нужной форме, в то время как в ряде предложений возможно употребление глаголов СВ и НСВ. Например: "На днях в Национальной галерее открылась/откроется/открывается новая выставка" /III, с. 60/, "Вот ваш друг, он сейчас заполнит/заполняет карточку читателя" /III, с. 63/, "Я видел, что он острожно въехал/въезжал во двор машины" /III, с. 139/.

В четвертом пункте упомянутого выше обзора /III, с. 56/ речь идет об употреблении видов в повелительном наклонении. В приведенной в учебнике схеме выделяется важный момент — закрепленность за НСВ и СВ определенных модальных значений. Однако при этом не учитывается, что модальные значения выражаются формами императива без отрицания при передаче единичных действий, что общим значением императива с отрицанием является значение ненужности действия, которое закрепляется за НСВ, и поэтому при отрицании в повелительном наклонении употребляется почти исключительно НСВ, а значение просьбы, совета и т.п. в отрицательных

предложениях с императивом выражается не видом глагола, а контекстуальными /'будьте добры', 'пожалуйста'/ и интонационными /ИК-2, ИК-3/ средствами. Возможно, вследствие всего этого значение совета безоговорочно отнесено — в схеме — к числу модальных значений, выражаемых НСВ /оно иллюстрируется отрицательным предложением: "Не бегайте босиком!"/, а значения "приказа", распоряжения, требования выделены как значения, выражаемые и НСВ и СВ, что иллюстрируется примерами: "Не закрывайте книги!" — "Закройте книги!" и "Не подчеркивайте это предложение!" — "Подчеркните это предложение!" Не подчеркивается и неразрывная связь основного значения императива НСВ — значения побуждения к действию — с характером речевой ситуации /например, с ситуацией ожидаемого действия, с ситуацией, в которой внимание говорящего может переключаться на обстоятельственные слова, характеризующие протекание действия, или когда действие предполагается самой ситуацией/. Без достаточно четкого выделения всех этих моментов вряд ли можно ожидать, что учащиеся самостоятельно смогут объяснить "разницу глаголов в повелительном наклонении" /III, с. 60/⁷ или выбрать глагол нужного вида там, где неизвестна ситуация, в которой произносятся, например, следующие фразы: "Прошу вас сядьте/садитесь за стол" /III, с. 60/, "Смотри, только не опаздывай/не опоздай!" /III, с. 60/, "Ну, как дела? Расскажи/рассказывай!" /III, с. 60/. Наличие в предложении слова 'смотри' /и 'только'/ еще не влечет за собой обязательного употребления СВ. /'Смотри только не подсказывай!', 'Смотри только не заплывай далеко!' и т.п./ Традиционный вопрос 'Как дела?', задаваемый при встрече со знакомыми, сам по себе не предполагает подробного рассказа о чем-либо, не обуславливает употребление императива глагола НСВ. Словами 'Как дела? Рассказывай' могут встретить человека, вернувшегося, например, с экзамена или ходившего выяснять или устраивать что-либо сложное, трудное, в том случае, когда говорящий знал об этом заранее, т.е. в ситуации ожидаемого действия.

Не помогают разобраться в вопросе употребления видов в императиве и те два примера, которые приведены в учебнике грамматики в обзоре употребления видов, тем более, что короткий ком-

ментарий к одному из них -- "Не опаздывайте на урок! -- совет, пожелание, запрещение" /Г, III/, -- вряд ли можно признать достаточным и удовлетворительным.

Отсутствие ясности относительно употребления видов в императиве, имеющее место на страницах учебников для гимназии, усугубляется видовыми ошибками, встречающимися в формулировках заданий: "Опишите ваш путь от здания, где вы живете, до школы. Употребляйте выражения пространственных отношений!" /IV, с. 131/. А вот формулировка, неоднократно повторяющаяся в учебниках для III и IV классов: "Выберите кого-нибудь из вас на роль /такого-то/ и задавайте ему/ей вопросы..." /III, с. 14, 24, 72, 125, 190, 209; IV, с. 13, 23, 49/. В скобках отметим еще, что во многих учебниках формулировки заданий, содержащие глаголы в форме повелительного наклонения, оформлены -- то ли под влиянием правил, существующих в венгерском языке, то ли ради того, чтобы подчеркнуть их приказной характер, -- как восклицательные предложения, что противоречит русской традиции.

Раздел "Инфинитивные конструкции" /III, с. 35/ интересует нас лишь с точки зрения того, что и как говорится в нем об употреблении видов в инфинитиве. Вначале здесь приводится несколько предложений с инфинитивом в сочетании с глаголами, говорится о том, как подобные сочетания переводятся на венгерский язык. Затем учащимся предлагается перевести четыре предложения /"Основным увлечением Третьякова было собирать картины", "Я всегда рад вас видеть", "Что смотреть дальше?", "Когда мне позвонить вам?"/ на венгерский язык и на основании этих примеров решить, "после каких еще частей речи может употребляться инфинитив". Далее речь идет о "выражении необходимости и возможности" /здесь выделяются два случая выражения необходимости: без инфинитива -- "Нам нужна эта книга", и с инфинитивом -- "Тебе нужно/ты должен навесить друзей"/ и наконец анализируются инфинитивные сочетания со словом 'нельзя'.

В предложениях, приведенных в качестве примеров, глаголы 'попросить, решить' даны в сочетании с инфинитивом СВ; в восьми предложениях, иллюстрирующих "выражение необходимости", сло-

ва 'нужно, надо, необходимо, должен' также даны в сочетании с СВ. Об употреблении с этими словами НСВ ничего не говорится. В семи предложениях, иллюстрирующих "выражение возможности", слово 'можно' и глагол 'мочь' даны в сочетании с обоими видами, но употребление видов в этих сочетаниях не объясняется. Чем же учащиеся должны руководствоваться при выполнении упражнений, чтобы выбрать "нужный" вид, например, в следующих предложениях: "Метро уже не работало, и мы должны были /возвращаться/вернуться/ домой пешком" /III, с. 225/, "В библиотеке Ленина можно /получать/получить/ любую книгу об истории русского искусства" /III, с. 226/, "Через полчаса уходит поезд. Вы должны..." /III, с. 39/. В последнем предложении скорее всего появится видовая ошибка, поскольку о том, что в сочетании с модальными словами глаголы НСВ в форме инфинитива в определенных ситуациях выражают дополнительное значение приступа к действию в момент речи, в объяснении не упоминается, а в образце к упражнению дано лишь одно предложение с инфинитивом СВ. О наглядно-примерном значении СВ и его варианте — значении потенциального действия — в объяснении также не упоминается, добавим от себя — и совершенно справедливо, поскольку вряд ли необходимо включать это значение в материал, изучаемый в гимназии. Однако, предложения, в которых необходимо употребить глаголы СВ в этом значении, встречаются в упражнениях: "Работы этого художника очень своеобразны, их всегда можно /узнавать-узнать/" /III, с. 225/, "Я всегда буду рад /оказывать-оказать/ вам хоть какую-нибудь услугу" /IV, с. 39/, "Мы всегда рады /встречаться-встретиться/ с друзьями" /III, с. 43/. Можно ожидать, что учащиеся и в этих предложениях выберут "не тот" вид, ориентируясь на слово 'всегда', которое включено в список обстоятельственных слов, требующих обязательного употребления НСВ, а также предложение "Я всегда рад видеть вас", которое приводится в разделе "Инфинитивные конструкции". Неизвестно, чем учащиеся будут руководствоваться при выборе вида в инфинитиве, сочетающимся с глаголами движения /об употреблении видов в сочетании с глаголами движения также не говорится

в объяснениях/: "они пошли /записываться-записаться/ в библиотеку" /III, с. 61/, "Туристы приехали /осматривать-осмотреть/ музей" /III, с. 43/, и какой вид считается "нужным" в предложении "Он обещал /заходить-зайти/ за мной на работу" /III, с. 139/, где можно употребить не один вид, а оба, поскольку здесь именно вид сигнализирует единичность/повторяемость действия.

О том, что употребление видов в инфинитиве представляет не-малые трудности, свидетельствуют видовые ошибки в формулировках заданий и в текстовом материале учебника: "Расскажите, как у нас надо записаться в библиотеку" /III, с. 46/, "Если вам нравится, как выглядит ваш знакомый, мы можете пользоваться следующими выражениями..." /IV, с. 84/, "Я уже видел все красивые места нашей страны. Еще в театр надо идти и тогда могу сказать, что везде был" /III, с. 91/. Отдельные примеры свидетельствуют о том, что, кроме употребления видов, определенные трудности представляет само употребление слов 'надо, нужно, нельзя' и глагола 'мочь', сочетающихся с инфинитивом, а также употребление дательного падежа существительных и местоимений в этих сочетаниях. Например: "В Свердловск им нужно было прилететь в третьем часу ночи" /III, с. 225/ — по крайней мере в таком узком контексте не ясно, чем вызвана эта, как она определяется в учебнике, "внутренняя" необходимость; "Лене надо поступить в институт в этом году" /IV, с. 56/; "Как он мог так хорошо отвечать на уроке?" — предполагаемый ответ: "Он подготовился к уроку" /III, с. 57/; "Эту книгу вам можно взять в любой библиотеке" /III, с. 37/, "Библиотекарь сказал, что нам нельзя брать книги на дом" /III, с. 43/, "В классе идет экзамен, нам нельзя /входить-войти/ в класс", "Шишкин хороший пейзажист, тебе нельзя так /говорить-сказать/ о нем" /III, с. 39/. Более чем сомнительна уместность употребления самого сочетания модального слова /и глагола 'мочь'/ с инфинитивом, например, в следующих предложениях: "Раздался звонок на урок. Ребятам надо войти в класс", "В 11 часов открылась галерея. Посетителям можно войти" /III, с. 39/, "Ему так срочно

надо было уехать, что нельзя /расставаться-расстаться/ даже с друзьями" /III, с. 117/. В последнем примере, так же как и в предложении "Вы не знаете, как найти выход из музея?" /III, с. 40/, весьма странен выбор глагола, употребленного в инфинитиве. И еще один пример, на котором стоит остановиться несколько подробнее. В тексте "В залах галереи" /III, 20/ говорится о том, что Габор и его друг Николай ходят по залам Третьяковской галереи. Посмотрев отдел древнего искусства, они идут к залам живописи XIX века. Николай говорит: "Слушая, Габор! Что смотреть дальше?" Вопрос такого типа в данной ситуации предполагает недостаточную осведомленность говорящего, ожидающего 'побуждение к действию', так сказать, руководящего указания собеседника, что не соответствует действительности, поскольку Габор в галерее впервые, а Николай бывал там не раз. Кроме того, после вопроса "Что смотреть дальше?" следует второй вопрос: "Тебя интересуют пейзажи или исторические полотна?" Таким образом оказывается, что Габору предоставляется выбор, который зависит от его желания или интересов, и Николай — как носитель языка — наверняка спросил бы: 'В какой зал пойдём?/Что ты хочешь посмотреть? Пейзажи или исторические полотна?' или в крайнем случае: 'Что будем смотреть?' Далее по образцу этого неудачно употребленного вопросительного предложения строится начало двух микродиалогов: а/ "Слушай, Тамара! Что смотреть дальше? Тебя интересует...?", б/ "Слушай, Ваня! Куда идти? /вместо 'пойдем'/ Ты хочешь в музей или в кино?" — и дается задание написать подобные микродиалоги, используя данные слова и словосочетания /III, с. 22/. В результате появился, например, диалог, который начинается следующим образом: "Слушай, Сергей! Что кушать? Ты любишь баранину или свинину?" В данном случае вместо "Что кушать" возможны вопросы: 'Что тебе брать/взять/заказать/заказывать?' или 'Что будем брать/заказывать/есть?' А в другом упражнении дается следующий микродиалог: "Чем ехать в Москву? — Давай полетим самолетом" /III, с. 139/.

В том же грамматическом разделе /"Инфинитивные конструкции"/ обращают на себя внимание два замечания относительно употребления видов глагола. После предложений "Ему надо было ответить на все вопросы", "Гале необходимо будет пойти к врачу", иллюстрирующих один из способов выражения необходимости, говорится: "Обратите внимание, что ... в будущем времени употребляется форма 'будет'... . После 'будет' можно употреблять и глаголы СВ!" /III, с. 36/. Форма 'будет' оказывается таким образом как бы связанной непосредственно с инфинитивом СВ, в то время как она относится к сочетанию модального слова и инфинитива в целом и стоит перед инфинитивом в силу совершенно иных причин. Внешне эффектная, но неточная формулировка может оказать плохую услугу в том смысле, что она как бы узаконивает одну из типичных ошибок в речи учащихся при употреблении будущего времени. Второе замечание относительно употребления СВ находим в связи с инфинитивными сочетаниями со словом 'нельзя': "После 'нельзя' в значении *nem lehet* употребляются глаголы СВ. В этом случае можно употреблять также слово 'невозможно'" /III, с. 37/. Но исходя из этого "правила", как же объяснить употребление НСВ, например, в следующих предложениях: 'При таком шуме нельзя/невозможно заниматься/работать/спать', 'Река в этом месте такая мелкая, что плавать/нырять невозможно/нельзя'? Очевидно, что приведенное выше правило сформулировано излишне категорично. Можно было бы, например, написать, что сочетание слова 'нельзя' с инфинитивом СВ выражает невозможность совершения действия и в этом случае слово 'нельзя' переводится на венгерский язык как *nem lehet*, или 'После 'нельзя' в значении *nem lehet* обычно /или — чаще/ употребляется СВ'.

Неоправдано категорично и следующее замечание в разделе "Выражение временных отношений" в учебнике для IV класса гимназии: "Отвечая на вопросы 'Как долго?', 'Сколько времени?', необходимо употреблять глаголы НСВ, а на вопрос 'За сколько времени?' — глаголы СВ" /IV, с. 113/. Вопросы приводятся без глаголов, но уже в самих вопросах 'Как долго...?', 'Сколько времени...?' возможно употребление глаголов СВ. /'Как долго/сколько времени он пробыл/пробудет в Ленинграде?', 'Сколько времени он

прожил в деревне/проработал на этом заводе?' и т.п./ Обстоятельства типа 'за два часа' действительно являются показателями результативности, но не следует забывать, что определенная часть глаголов НСВ выражает повторяемость результативных действий /'выучивать'/, завершенных действий /'прочитывать'/, действий, достигших определенного предела /'доезжать'/.

При наличии в предложении таких показателей результативности указанные глаголы НСВ и некоторые глаголы /НСВ/ с другим лексическим значением могут сигнализировать повторяемость действия: 'За час она печатала 5-6 страниц/переводила /по/ 10 предложений' и т.п. В самом вопросе 'За сколько времени...?' при наличии, например, существительных во множественном числе могут употребляться глаголы НСВ: 'За сколько времени ты делаешь/выполняешь задания по русскому языку?' Контекстуальное окружение глагола действительно является фактором, определяющим в ряде случаев выбор вида глагола, однако попытки установить прямую зависимость употребления того или иного вида лишь от одного контекстуального средства без учета целого ряда других моментов очень часто оказываются неудачными. Излишне категорические формулировки влекут за собой целый ряд негативных явлений: они могут вызвать увеличение количества видовых ошибок, в основном ориентируют учащегося на механическое заучивание правил, а не на анализ контекстуального окружения глагола в целом, не на анализ речевой ситуации и понимание коммуникативных задач говорящего, которые, как известно, являются основным речевым фактором, обуславливающим в ряде случаев выбор того или иного вида, а с другой стороны, -- нередко приводят к особому рода конфликту, когда в ответ на какое-либо корректировочное замечание преподавателя или после объяснения отдельных случаев употребления видов, можно услышать от студентов возражения типа "а в гимназии мы учили...", "а в гимназии нам объясняли не так" и т.п. Такая вынужденная корректировка, а иногда и опровержение правил, заученных в гимназии, с одной стороны, ставит преподавателей вузов в несколько неудобное положение по отношению к их коллегам, работающим в средней школе, с другой стороны, довольно часто вызывает у студентов своего ро-

да шок: они приходят к выводу о невозможности постигнуть виды русского глагола, о безнадежности всяких попыток такого рода. Но и в этом случае, если студенты не делают подобных выводов, они затрачивают много дополнительных усилий, чтобы освободиться от несколько механического подхода к вопросу употребления видов, и отчасти на то, чтобы переучить заученное ранее.

Наиболее успешного и активного усвоения видов можно было бы ожидать, если бы работа по видам глагола строилась на продуманно отобранном грамматическом и лексическом материале: на лексическом материале текстов учебников, и в первую очередь — на лексике, входящей в школьный и гимназический лексический минимум. Не имеет особого смысла включение в упражнения 'посторонней', и с этой точки зрения — пассивной лексики, примером которого могут служить хотя бы уже приводившиеся выше предложения: "Я всегда рад оказать вам хоть какую-нибудь услугу", "Алеша замолк/замолкал на несколько секунд..." и пр. И само собой разумеется, что в упражнения не должны включаться те случаи употребления видов, которые не рассматриваются в грамматических разделах учебников, как это, к сожалению, имеет место, например, в упражнениях, посвященных употреблению видов в инфинитиве.

Учебник для III класса гимназии, на наш взгляд, вообще несколько перегружен грамматическим материалом, так или иначе связанным с вопросами употребления видов, что, видимо, объясняется некоторой неравномерностью распределения грамматического материала по годам обучения /в гимназии/, а также тем, что в самой Программе, как уже указывалось выше, тема употребления видов нигде четко не выделяется. Во избежание такой перегрузки употребление видов глагола в прошедшем времени, как нам кажется, можно было бы в том или ином объеме рассмотреть в учебнике для I класса, а употребление видов в повелительном наклонении — в учебнике для II класса гимназии.

Примечания

1. A gimnáziumi nevelés és oktatás terve. Вр., Tankönyvkiadó, 1978. Oktatási Minisztérium, Orosz nyelv, I—IV osztály, с. 149—165.
2. Здесь и далее название грамматических тем, цитаты из Программы, Учебника по грамматике и грамматических разделов Учебника для III класса гимназии даются в переводе с венгерского языка.
3. В Учебнике для I класса гимназии рассматривается образование будущего времени от глаголов СВ и НСВ, дается два упражнения на образование будущего времени от глаголов СВ, два упражнения на замену форм прошедшего времени формами будущего времени от глаголов СВ и два упражнения на замену форм настоящего времени от глаголов НСВ формами прошедшего и будущего времени от глаголов СВ.
4. В Учебнике для II класса рассматривается образование повелительного наклонения, дается пять упражнений на образование повелительного наклонения от данных глаголов.
5. Цитаты и примеры из учебников русского языка для гимназии помечаются следующим образом: Г = Грамматика русского языка для средней школы /Kosaras István: Orosz nyelvtan a középiskolák számára. Вр., Tankönyvkiadó, 1977/; III — Учебник для III класса гимназии /Dr. Kecskés István—Horváth Gáborné: Orosz nyelvkönyv III. Tankönyvkiadó, 1981/; Учебник для IV класса гимназии /Dr. Kecskés István—Molnár István: Orosz nyelvkönyv IV. Tankönyvkiadó, 1984/. Арабские цифры обозначают страницы.
6. Приводимая здесь формулировка, как и другие формулировки, отдельные предложения из упражнений и текстов интересуют нас лишь с точки зрения употребления в них видов глаголов.
7. Учащиеся, видимо, должны объяснить употребление видов в форме повелительного наклонения.
8. В данном случае — 'невозможно'.

РЕЦЕНЗИЯ